

УДК 141

В.А. Усольцев

Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург

**КНИГА Т. Л. МИРОНОВОЙ «РУССКАЯ ДУША И НЕРУССКАЯ
ВЛАСТЬ» КАК АПОЛОГИЯ ВОИНСТВУЮЩЕГО ПРАВОСЛАВИЯ
И КАК РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ**

Аннотация. Обсуждаются основные положения книги Татьяны Леонидовны Мироновой «Русская душа и нерусская власть» в сопоставлении с мнениями ее оппонентов. Книга рассматривается как апология воинствующего православия и как руководство к действию.

Ключевые слова. Специфика православия, русская духовность, мифы Евангелия, возрождение России, руководство к действию

V.A. Usoltsev

**THE BOOK BY TATIANA MIRONOVA “RUSSIAN SOUL AND
NOT RUSSIAN AUTHORITY” AS AN APOLOGY OF MILITANT OR-
THODOXY AND AS A GUIDE TO ACTION**

Abstract. The main provisions of book by Tatiana Mironova “Russian soul and not Russian authority” in comparison with the views of her opponents are discussed. The book is regarded as an apology of militant orthodoxy and as a guide to action

Keywords. The specificity of orthodoxy, Russian spirituality, myths of the Gospel, Russian revival, the guide to action.

Сегодня у большинства людей в России складывается ощущение, что страна катится в пропасть. Самый актуальный вопрос дня: «Где выход из этой ситуации, что делать?». Не видя выхода, многие впадают в социальную апатию и духовную деградацию. Образец гражданской ориентации дал в 1844 году Николай Васильевич Гоголь в письме некому А.П. Т....му, показав, насколько неконструктивно «только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном», происходящем в России, что «производит только одну черствую досаду да уныние». И далее: «Если вы действительно любите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России. ...Если вы действительно любите Россию, ...последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну

крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбивши своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам» (Гоголь, 1986. С. 253-255).

Письмо это, по-видимому, адресовано кому-то из столичной знати, страдающему синдромом «обломовщины». Сегодня труд является средством выживания большинства населения, и лишь одним честным трудом сложившуюся в России ситуацию не переломить.

Философ Игорь Чубайс в книге «Российская идея» (2012) провозглашает концепцию Преемства с исторической Россией: «Преемство - это не просто возвращение домой, возвращение в Россию и ее продолжение, это свершение исторической справедливости, это когда после безмерно тяжелых, почти не переносимых лишений, испытаний и мучений признается правда и возвращается смысл жизни. Преемство — это высшее торжество, высший праздник Российского духа и Российской цивилизации» (с. 467). Реформы начала прошлого века, успешно проводимые, но не законченные великим гражданином России Петром Аркадьевичем Столыпиным, безвременно убитым врагами России, Игорь Чубайс считает необходимым «вывести на уровень великой российской реформации». Однако, о том, как к этому конкретно приступить в условиях тоталитарного режима, он не говорит, не выходя за рамки ключевых слов *необходимо* и *должно*, и призывает к дискуссии. (Впрочем, книга Игоря Чубайса заслуживает отдельного рассмотрения).

Наш бывший диссидент, философ и социолог Александр Зиновьев, известный многим по книге «Зияющие высоты», концепцию Преемства Игоря Чубайса характеризует как «реанимацию российского фундаментализма», возврат в Средневековье и «религиозное умопомрачение» (с. 232-233). В противовес концепции Преемства А.А. Зиновьев вводит понятие «закона социальной деградации» в качестве «объективного социального закона» и заявляет (2011): «Закон социальной деградации в постсоветской России проявляется как реанимация православия, дореволюционных названий, обычаев, явлений культуры, идей монархизма и великодержавности», - и характеризует это явление как «отрицание того эволюционного прогресса, какой имел место в советское время», и как феномен «беспрецедентной исторической деградации, буквально падение с вершины прогресса в пропасть прошлого» (с. 197). И что же он предлагает взамен? Цитирую: «Нерелигиозная (советская, гражданская) идеология не сводится к атеизму и не обязательно является антирелигиозной. Это может быть идеология, опирающаяся на результаты достижений науки. С такой претензией в свое время возник марксизм и ленинизм» (с. 234). К чему привел Россию «марксизм-ленинизм», мы хорошо сегодня знаем.

После сказанного вполне предсказуем довольно мрачноватый вид на будущее России у бывшего диссидента: «С чисто социологической точки зрения будущее России уже предопределено не на одно десятилетие, а на многие десятки лет, если не на все столетие. ...Никаких шансов стать лидером мировых сил, противостоящих западнистской глобализации, и даже вырваться из тенет этой глобализации, в обозримом будущем у нее нет» (с. 202). В другой, более ранней работе А.А. Зиновьев (2009) утверждал, что русский народ «стал единственной трагической жертвой, обреченной теми, кто его предал, на историческую гибель» (с. 170).

В книге этнолога В.И. Козлова «История трагедии русского народа» (2012) отсчет всех бед русского народа начинается с 1917 года, и он сваливает их исключительно на семитов, но вопрос «Что же делать, как спасти Россию от гибели?» не находит там ответа. В своих мрачных прогнозах он солидаризируется с А.А. Зиновьевым: «...Никакого позитивного “авось” для русского этноса в обозримом будущем не предвидится» (с. 307).

Бывший сотрудник КГБ, генерал-лейтенант в отставке Н.С. Леонов в книге «Крестный путь России» (2003) отсчет падения страны ведет, в силу успешной карьеры при большевиках, не с 1917, а с 1991 года, и на поставленный вопрос отвечает в конце книги: «Каждый раз, когда мне задавали такой же вопрос, я глубоко вздыхал и говорил, что как профессиональный аналитик я не вижу сегодня, в начале нового века и тысячелетия, достаточно материальных оснований, чтобы предсказать возрождение России, но как сын этой земли и этого народа я не могу смириться с холодным заключением разума. Я верю всем любящим Россию сердцем, что она воспрянет. Я знаю на опыте русской истории, как много значит для судьбы нашего Отечества, кто стоит во главе государства, и буду молиться, чтобы Господь поставил у державного руля человека, достойного этой великой миссии» (с. 356). «Вздыхать» и «молиться Господу» - вот его программа действий.

А.И. Солженицын в статье «Как нам обустроить Россию» (1990) считает одной из главных задач сохранение русского народа и возлагает надежду на его нравственное начало. И начать надо с раскаяния, приступив затем к очищению. Служить не нынешнему государству, а Отечеству! Статью Александр Исаевич завершает словами: «Нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. Справедливость - это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим».

В своей книге «Россия в обвале» (2006) А.И. Солженицын возлагает надежду на еще сохраняющийся духовный, или цивилизационный, код народа: «Никогда мы ничего не дождемся от властных благодетелей, прежде чем поверим, что мы сами – исполнители своей судьбы. Только *мы сами*, если имеем волю не сгинуть с планеты вовсе (а это – грозит), должны своими силами подняться из нынешнего гибельного прозябания. ...В каком бы

надломе ни пребывала сейчас многообразная жизнь России, у нас еще есть время остояться и быть достойными нашего нестираемого 1100-летнего прошлого. Оно – достояние десятков поколений, прежде нас и после нас. И – не станем же тем поколением, которое всех их предаст» (с. 203-204).

И еще: «...Вне духовной укрепы от православия нам на ноги не встать. Если мы не бессмысленное стадо – нужна же нам достойная основа нашего единства. Преданно и настойчиво нам, русским, следует держаться за духовный дар православия... Именно православность, а не имперская державность, создала русский культурный тип. Православие, сохраняемое в наших сердцах, обычаях и поступках, укрепит тот духовный смысл, который объединяет русских выше соображений племенных» (с. 187). Но с чего начинать в условиях нынешнего тоталитарного режима, - неясно.

В моей книге «Русь изначальная, русский космизм и столетие падения России» (2012) (имеется в свободном доступе в интернете) показаны три этапа развития русской ментальности: зарождение русской цивилизации на стыке прошлых двух тысячелетий, ее культурный апогей на стыке прошлых двух столетий и катастрофическое падение в течение последнего столетия, но поставленный выше вопрос фактически тоже оставлен без ответа.

И только книга филолога и лингвиста Татьяны Леонидовны Мироновой «Русская душа и нерусская власть» (2012) содержит ответ на поставленный актуальнейший для России вопрос, и, по сути, в ней дана детальная программа действий по спасению России на основе концепции воинствующего православия. Попробуем тезисно изложить эту концепцию.

Миронова Татьяна Леонидовна

Начинается книга с понятия *душевной гигиены* - национального архетипа мышления, укорененного в прошлом человека: «...Архетип, то

есть древнейший тип, - исконно заложенная в человеческой душе модель и образец инстинктивного поведения под влиянием врожденных, по наследству передающихся импульсов» (с. 9). Один из основных таких инстинктов — потребность поступать *разумно* с целью выживания рода — действует на уровне подсознания, которое исконно контролировало наше сознание. Им соответствуют понятия соответственно *разум* и *ум*. «Разум обитает не в человеческом мозгу, разум — это свойство души. А душа и есть кладезь подсознательного» (с. 9).

«Что происходит ныне в России с русским народом? Почему сегодня в России так беспрецедентно много вымирает мужчин? Почему русские мужики не хотят жить?», - вопрошает Т.М. Миронова, и она знает ответ. Индоевропейское понятие *мужчина* исконно означало *идуший впереди*, он должен быть ведущим для семьи и всего рода. Русская женщина еще выполняет свое предназначение, она производит на свет детей и тем держится за жизнь. А русский мужчина перестал быть *идушим впереди*, он не может определять будущее своей семьи, даже просто не может ее прокормить. Сегодня в бедности и нищете пребывает 80% населения России. И негде сегодня русскому мужику послужить Отечеству, чтобы оправдать свое предназначение — быть идущим впереди. Чтобы «свергнуть скотство жизни», нужно идти во власть, а ему туда вовек не пробиться: там выстроилась очередь из хищников нерусской хватки. Где же выход? Чтобы не потерять смысл своего существования, мужчины должны стать воинами, - утверждает Т.Л. Миронова: «Это их единственная возможность выбрать путь идущего впереди. Иного пути спасти себя, свою семью, свой род, свой народ, свою Родину история не предоставляет» (с. 14). Но как это реально сделать? И Т.Л. Миронова в своей книге дает на это ответ.

Наш родной язык сохраняет архетипы мышления, и Т.Л. Миронова показывает, что исходными установками, заданными нам русским языком, являются понятия *добра* и *зла*: *правое* — это *добро*, *левое* — *зло*. Поэтому в понимании русского народа *править* в государстве можно, лишь творя добро. Согласно нашему языку, *управлять* — это значит действовать во благо. Если власть несет русским зло, если она не *правит* ими, как должно, они интуитивно стремятся *выправить* свою жизнь. Основной принцип жизни русского человека — *справедливость*. Он терпит голод, нужду и лишения, «несправедливость же моментально приводит его в ярость». В христианской картине мира Высшие Силы обитают в небесах, на высоте. Соответственно и те, кто находятся на вершине власти, согласно русским архетипам, должны быть праведными. Когда же оказывается, что нами верховодят личности, далеко не праведные, поведение русского народа становится непредсказуемым, и он отправляет власть имущих на дно преисподней.

«В основу идеалов русского народа положена идея справедливости, -

доказывает Т.Л. Миронова, - которая несовместима с захватом чужого и обманом ближнего. Здесь презирают или считают второстепенными наживу и прибыль, а почитают идеалами жертвенность и самоотдачу. Поэтому в России западная социокультурная модель общества, изуродовав души и мозги части населения, все же рано или поздно потерпит крах. Изменить картину мира народа можно лишь, заставив народ забыть свой родной язык» (с. 41). Напротив, в идеалах западноевропейцев заложены себялюбие и индивидуализм, а их язык хранит архетипы завоевания и стяжательства. Если русский говорит: «У меня есть», т. е. дано Богом, то английское «I have» и немецкое «Ich habe» созвучно с русским: «Я хапаю».

Татьяна Леонидовна пишет, что неверно было бы считать, что одно лишь христианство принесло русским их нравственные устои. Мы имеем в русском христианстве уникальное соединение нравственных понятий язычества с нормами христианской морали. Мерилом добра и зла у русских является *совесть* как «прирожденная правда», а это означает, что славянам было присуще совестное ощущение в течение тысячелетий еще в дохристианские времена. Поэтому христианство легко соединилось с исконной славянской психологией. Русичи восприняли христианство как религию, созвучную с картиной мира, выработанной в языческой древности их праотцами. «Соединение славянской языческой картины мира, - пишет Т.Л. Миронова, - с христианским мировоззрением породило удивительное явление, именуемое *Русским Православием*. Своеобразие русского православного взгляда на мир в отличие от других христианских культур составляют совестливость и душевность, вера в благой промысел судьбы и отсутствие страха смерти, истовое поклонение святыням и терпеливое ожидание чуда, спрос за прегрешения с самих себя и готовность покаянно искупить содеянное зло. И главное - ...радостная устремленность к Богу, созерцаемому русскими как источник света, истины и любви, а не как грозный Судия и Отмститель» (с. 182).

Из глубин веков проистекает и до сих пор в ходу у русских древняя примета: собрался на дело, возвращаться нельзя, - успеха не будет. Это - запрет на всякое движение вспять и призыв к продвижению только вперед. «Возможно, этот инстинкт руководил продвижением нашего народа на Север и в Сибирь, на Дальний Восток и Аляску. Именно этот инстинкт — запрет на возвращение - породил великую державу на шестой части суши» (с. 30). На фоне этой самобытной особенности русских Т.Л. Миронова объясняет так называемый «синдром малых наций», выраженный сегодня в их яростной русофобии: «Зависть малых народов к большим вполне понятна, и попытка оправдать свою малость давлением со стороны сильного соседа вызывает сочувствие. Ну не удалось кому-то вырасти в великий народ, оставить мощный след в истории, искусстве, культуре, вот и приходится им перед потомками объясняться, а виноватого легче всего найти на стороне» (с. 70).

Совесть в душе — коренной признак русских, и ее ампутация ведет к омертвлению души. Т.Л. Миронова считает, что совесть в душе у русских никогда не будет потеряна, несмотря на то, что сегодня изъятие совести из русских душ, эта нынешняя наша тяжкая болезнь, приобрела характер эпидемии. «Но ведь все эпидемии когда-нибудь кончаются, забирая с собой самых слабых, самых негодных для народа особей. Все эпидемии на то и даны, чтобы очищать народы от плевел и сорняков, от вырожденков и извергов. Вот и сегодня народ разделяется на все еще огромную массу сохраняющих свою душу и совесть и на негодных называться русскими — по ничтожному духу, по подлому характеру, по сожженной совести и по омертвлению души» (с. 152).

Эти архетипы наших представлений о добре и зле невозможно уничтожить, поскольку «они в крови, в генах нашего языка, нашего подсознания». И автор заключает: «Именно с этими архетипами добра и зла, укорененными в душе нашего народа, ведет борьбу дьявол в лице современных властей и имущих. Потому что невозможно вести народ во тьму, если он инстинктивно рвется к свету. ...Но в том-то и грядущая близ беда современных властителей, что окончательно вытравить эти понятия из нас невозможно. Их можно замутить, заглушить, затоптать, заболтать, но не уничтожить. Даже самые малые не вытравленные, не выполотые корешки нашего языка рано или поздно прорастут, дадут обильную поросль и плоды. Плоды русского добра и русской правды» (с. 28).

В главе «Черные мифы о русском народе» Т.Л. Миронова развенчивает несколько внушаемых нам измышлений, в том числе мифы о русском гуманизме, русском всепрощении и русской смиренности. Автор показывает, что ксенофобии, т. е. неприязни чужих народов, столько же тысячелетий, сколько самим этносам. И этноцентризм не является характеристикой, свойственной только одной нации, это — общекультурное явление. Также и русские в картине мира изначально разделяли *своих* и *чужих*. Это противопоставление указывает человеку, где защита и опора — только среди своих.

«Противопоставление *свой-чужой* на протяжении веков являлось нашим спасением от инородного владычества, - пишет Т.Л. Миронова. - Но оно же стало ныне преградой на пути национального возрождения. Вот почему мы так тяжелы на подъем против своих притеснителей — людей, по всем признакам должных быть своими, ...но по поступкам те же янычары, и гнать бы их давно пора с той же решимостью и силой, как всякого ворога, да срабатывает национальный инстинкт “*свой-чужой*”. Горстка прикинувшихся своими инородцев-чужаков захватила власть и оберегает ее от притязаний русского народа... И только постепенное осознание, что в политике страны действуют не только свои, но и чужие, явится спасительным для русской нации. Это прекрасно сознают наши власти, потому и пытаются искоренить так называемую ксенофобию,

насадить толерантность, а на самом деле стараются изничтожить национальный инстинкт самосохранения, который убить можно только вместе с народом» (с. 45-46).

С пониманием *своего* как родного, богоугодного, связано у русских представление о свободе. Свободный — это *сам свой*. Свое — это свобода жить по законам отцов, а не по принуждению. «Смирение и скромность — это добродетели — *среди своих*. Но наша скромность среди чужих оборачивается сегодня национальной трагедией» (с. 84).

Вслед за академиком О.Н. Трубачевым Татьяна Леонидовна показывает происхождение нашего имени — *русские*. Оно восходит к славянскому корню *рукс-* или *рокс-*, что значит «белый, светлый». Русы — народ белый, светлый, народ Света, а *Русь* означает белый свет, единственно возможное для жизни место, Родину. Сегодня, составляя 85% населения в собственной стране, созданной руками русского народа, мы уже боимся выговорить слово *русский*, а за такие фильмы, как «Россия с ножом в спине», поднимающие русский вопрос, нас бросают в тюрьмы. Раньше имя *русский* вытеснялось безродным *советский*, теперь оно изгоняется при помощи безродного *россиянин* (с. 90). Сегодня выражения *мировое сообщество* и *гражданское общество* прячут от нас диктатуру мирового правительства, проводником которой является так называемая российская элита, обслуживающая интересы глобализма (с. 142).

Ю.И. Новоженев (2008) рассматривает проблему глобализации с позиций социобиологии и противопоставляет глобализации (интеграции) концепцию автаркии (самодостаточности). «Автаркия - самодостаточное существование популяции за счет ресурсов занимаемой ею территории — является основным законом стабильности существования жизни» (с. 39). Он показал, что в российском естествознании идея автаркии нашла прочную опору в трудах Н.Я. Данилевского, Л.И. Мечникова, В.В. Докучаева, Д.И. Менделеева и других русских мыслителей и натуралистов. Эту же идею развивал Н.В. Тимофеев-Ресовский (1995): «Наша страна столь велика и обильна, что нам, в сущности, ни от кого ничего не нужно. Мы можем жить автономно. У нас есть вся периодическая система Менделеева в наших недрах, у нас имеются и различные климатические зоны, все возможности для сельского хозяйства, за исключением кофе и какао. Все это есть».

«Русские не осознали пока, кто виноват в новой развязанной против них войне. Что ведется война — тихая, коварная, подлая, которая уносит жизней больше, чем в дни боевых действий, - это ясно уже многим. А вот кто виноват — массового понимания нет. ...И чтобы дольше русский человек не понял, кто виноват, чтобы он не определил для себя конкретную цель в этой войне, запрещают честную русскую мысль и правдивое русское слово. ...Надеются, что за это время русский народ окончательно истощится и не поднимется больше никогда. Да только тщетны их

надежды. Осознает уже русский народ, что *у него смерть за плечами*» (Миронова, 2012. С. 76-77).

Русским, в отличие от западноевропейцев, несвойственно бунтовать из-за похищенной у них собственности, русские протестуют иначе и считают стоящим вывалить на площади лишь тогда, когда нарушена справедливость, а выпрашивать у правительства гроши на пропитание — низкое занятие. Но: «...Отложенный в дальний ящик народный гнев, оскорбленность ограбленного и поруганного народа накапливаются в русской душе подобно вулканической лаве, ищущей трещины или скважины, чтобы сжечь всех обидчиков разом, но уже не за копейку или краюшку хлеба, а за поруганную справедливость — величайшую святыню русского народа» (с. 171).

Русский тип организованности основан, в отличие от западноевропейцев, не на подчинении закону, а на доверии и послушании, уважении и любви к личности того, кому послушен. Если же правитель оказывался недостойн уважения и доверия, то русское послушание сменяется неповиновением, доходившим до бунта.

Т.Л. Миронова показывает, что мы никогда не были «скотски покорным народом, мы терпеливы, но до определенной черты». И она определяет этот предел терпения, за которым народ может вспылать гневом, исходя из смыслов русского языка, в частности, из смысла слова *прощение*. Прощение по-русски — это не забвение обид. Русский народ понимал *прощение грехов* как исправление грешника, а *прощение обид* — как исправление обидчика. Он вначале авансом прощает обидчика или преступника, надеясь, что в результате тот должен исправиться и *покаяться* делом в своих преступлениях. Русское православное понятие *покаяния* — это исправление совершенного зла волей и силами самого виновного. Если же покаяния не происходит, народ начинает исправлять его сам, исправляет окончательно, беспощадно и лишь после этого прощает.

Т.Л. Миронова подтверждает сказанное ярким и трагическим эпизодом, спровоцировавшим в 1920-е гг. восстание тамбовских крестьян. Позволю себе привести его полностью. «Тогда отряд китайцев во главе с картавым комиссаром внезапно нагрянул в село, созвав народ на общий сход. Комиссар стал убеждать мужиков, что новая власть предоставляет им самоуправление, да разве им самим будет лучше, если над ними поставят какого-нибудь чужака, разве не лучше в свой же организуемый Совет избрать своих, лучших, самых уважаемых односельчан. Убедил еврей. Мужики и выбрали с десятков лучших. По приказу комиссара китайцы тут же отвели их к стене церкви и расстреляли. Опешил сход, первыми опамятавались бабы, завопили страшно и с голыми руками кинулись на китайцев. А уж следом вскинулись и мужики, на ходу выламывая дрыны из заборов, замелькали невесть откуда тут же взявшиеся топоры, косы, вилы.

Солдат-китайцев порубали на куски, а еврея-комиссара, взвалив на козлы, живьем перепилили двуручной пилой. ...Да, русский народ — добрый, терпеливый, но у его терпения есть грань, за которую лучше никому не переходить» (с. 79-80). И заканчивает она словами: «Сколько таких частных актов русского прощения накопилось уже в наши дни! Кондопога, Харагун, Ставрополь, Сагра... Предупреждаем же каждый раз наших обидчиков в трагические эпохи русской истории: “Мы, русские, вас простим, но вам же будет лучше, если исправитесь сами”» (с. 81).

Вопиющим актом несправедливости в глазах русских является сегодня вседозволенность поведения национальных меньшинств в нашей стране. Еще на заре «перестройки» несправедливость национальной политики в СССР была основной темой выступлений сотрудницы Института государства и права АН СССР, доктора юридических наук Галины Ильиничны Литвиновой (1987), на фактах и цифрах доказывавшей, что под лозунгом необходимости «равенства наций» фактически в течение всего периода советской власти большевики проводили политику геноцида русского народа, проявляя первоочередную заботу о прочих нациях в составе СССР.

Сегодня наши правители, как и большевики раньше, оказывают всевозможные преференции в ущерб русским. Как во времена СССР, так и сегодня, усиленно финансируются национальные республики при мизерной государственной поддержке коренных русских областей: на одного жителя Нечерноземья и Ингушетии приходится соответственно 1,9 и 14 тысяч рублей дотации в год. При нынешних темпах стихийного заселения китайцами Сибири и Дальнего Востока и соответственно — при темпах вымирания русских, уже к 2025 году китайцев в России будет больше, чем русских. Из 11 миллионов жителей Москвы лишь 4,2 миллиона составляют этнические славяне. В Санкт-Петербурге узбеки составляют уже восьмую часть населения. Против введения в школьное образование курса «Основы православной культуры» поднялась вся масса нынешних «образованцев», в то время как в Татарии уже несколько лет обучают детей в школах «Основам исламской культуры» и, кроме того, принудительно — татарскому языку русских детей, составляющих около половины их общей численности. Такого не было ни в царской, ни в большевистской России! Когда большевики выделяли автономную территорию башкирам, те составляли там всего около четверти населения, а сейчас русские усиленно «выдавливаются» с этой территории. Понятие «ксенофобия» сегодня — это пугало, причем только для русских, и именно русским пытаются заткнуть рот.

По мнению Т.Л. Мироновой, это неизбежно приведет к межнациональной резне: «Межнациональная резня — вот ожидаемый и просчитанный властью результат. ...Власть, спасая свою преступную голову от неминуемого народного гнева за учиненный геноцид, создает

условия для распада России на осколки этнических мелких республик по примеру распада СССР» (с. 124). И это мнение не одной Т.Л. Мироновой. В.В. Познер одну из причин бедствий России в течение XX столетия видит в ее «автономизации» (т.е. разделении по национальному признаку): «Реализовался разработанный Сталиным план автономизации страны, в котором автономии побольше назывались союзными республиками, поменьше - автономными республиками, краями, областями и так далее, но на самом деле ни о какой автономии речь не шла; а шла речь о разделении народов СССР, о подчеркивании того, что их разделяет, и одновременно о присвоении им титула, пусть пустого на деле, но дающего им ощущение собственной значимости. ...Существует множество факторов, которые за годы советской власти привели к обострению межнациональной розни, и автономизация страны среди них, как я полагаю, главная» (Познер, 2012. С. 259, 260).

Разделив Россию по национальному признаку, большевики спровоцировали центробежные тенденции и тем самым заложили под безопасность единой страны бомбу замедленного действия. Первый ее взрыв произошел в 1990-х, когда откололись «автономии побольше». Что же, теперь очередь – за «автономиями поменьше»?

А.И. Солженицын (1990) писал: «Еще в начале века наш крупный государственный ум С. Е. Крыжановский предвидел: "Коренная Россия не располагает запасом культурных и нравственных сил для ассимиляции всех окраин. Это истощает русское национальное ядро". ... А уж сегодня это звучит с тысячекратным смыслом: *нет у нас сил* на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. *Нет у нас сил* на Империю! - и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель».

Трудно возразить что-либо Игорю Чубайсу (2012), когда он пишет, что «программа расширения российских территорий перевыполнена», и теперь «в силу своих размеров Россия может быть либо великой, либо никакой». Поэтому «стратегию собирания земель Россия должна сменить на философию обустройства, философию качественного развития» (с. 443). Поэтому необходим «учет и согласование интересов всех существующих социальных слоев, а это возможно только в условиях демократии». Но о какой демократии может идти сегодня речь в условиях нового тоталитаризма, нарастания волны новой «полицейщины» и пышным цветом от года к году все более разрастающейся в наших нерусских республиках оголтелой, яростной русофобии, поддерживаемой западными странами и исламским фундаментализмом? Игорь Чубайс как будто всего этого не видит, не видит опасности (неизбежной при нынешней политике центральной власти) межэтнической резни, о которой предупреждает Т.Л. Миронова.

При полном согласии с Т.Л. Мироновой, в моей статье (2013) в

соответствии со старой русской поговоркой: «Насильно мил не будешь», высказана идея - не дожидаясь резни, не дожидаясь, когда, по выражению Т.Л. Мироновой, «взрывы негодования вырвутся из-под крышки клубящегося российского котла» (с. 294), провести в национальных республиках референдумы, и если окажется, что большинство их населения не хотят жить в составе России, отпустить их с миром и «качественное развитие страны», по И.Б. Чубайсу, осуществить на основе православных русских традиций.

Т.Л. Миронова приводит слова Иисуса Христа из Евангелия от Матвея: «Аз же глаголю вам не противитися злу. Но аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую» и поясняет, что совершенно неправильно рассматривают иногда сопротивление злу силой как покушение на Божьи заповеди. А правда в том, что запрет наложен лишь на такое сопротивление злу силой, которое является личной мстостью личному врагу. Не противиться же врагам Богу и Отечеству, силе сатанинской, есть великий грех, поскольку это нарушает главные заповеди Христа: о любви к Богу и о любви к ближнему.

Т.Л. Миронова, ссылаясь на Евангелие, развенчивает расхожий миф, якобы исходящий от апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божьему установлению». Это неправильный, «лукаво подсунутый нам русский перевод». На самом же деле в церковнославянском тексте сказано: «Несть власть, аще не от Бога, сущия же власти отъ Бога учинены суть», что буквально означает: «Не власть это, если не от Бога, а от Бога учреждены лишь подлинные власти». А если власть не от Бога — она от сатаны, от «бесовщины», по Ф.М. Достоевскому (2011). И только противление подлинной, христианской власти считает апостол Павел противлением Божьему повелению.

Татьяна Леонидовна показывает еще одно лукавство, якобы исходящее от апостола Павла, что христианство уничтожает национальные различия, что якобы во Христе нет ни эллина, ни иудея. В действительности же в Евангелии сказано, что через Христа могут быть спасены все народы, и эллины, и иудеи, что для всех открыт путь ко Христу. Русское православие всегда различало народы враждебные и дружественные христианской вере: митрополит Илларион в 1051 году благословлял рассеяние иудеев по миру, чтобы «зло пребывало не вкупе»; епископ Владимирский Серапион в 1223 году обличал монголо-татарских завоевателей; патриарх Гермоген в 1610 году призывал русских «идти на литовских людей»; святой Иоанн Кронштадский в 1908 году предупреждал: «Помните, не будет самодержавия — не будет России, заберут власть евреи, которые сильно ненавидят нас». За годы монголо-татарского нашествия (1228-1462) Русь вынесла 160 внешних войн, и

покуда она отражала нашествия, крепилось ее могущество.

Контрастом сказанному звучит далее вопрос Т.Л. Мироновой: «Но почему же теперь мы не слышим от наших святителей подобных слов, ведь в России еще в 1998 году смертность достигла уровня смертности страны, ведущей боевые действия, и с той поры гибель народа только возрастает...?». И затем цитирует нынешнего митрополита Кирилла, высказавшего на Всемирном Русском соборе убийственную для русских идею: «В глубине наш русский народ никогда не разделял нетерпимость к другим народам. Наш русский народ был готов подобно Христу проявлять *истощение* (кенесис) ради других народов», и далее она комментирует: «Знаете, что такое *истощение*? Это опустошение, когда оболочка вроде бы есть, есть имя *русские*, есть какие-то люди, еще не чурающиеся этого имени, а силы в них нет, нет жизни, нет будущего. Добровольное истощение — страшный приговор! Да еще утверждаемый иерархом церкви от священного имени Господа. ...Воистину опасен тот пастух, который волку друг. О ком же пекутся такие пастыри — о сытости волков или о целостности стада?». И заключает: «Приходится признать, что прежним русским героям было несравненно легче, чем нынешним, ведь Русская Православная Церковь благословляла их на меч за други своя. Ныне же нас призывают к *истощению*, то есть к национальному самоубийству. Истощение русского народа — это истощение Православия. Не станет русских на земле — не станет в мире последнего оплота Православия. Вот в чем религиозный мистический смысл спасения русской нации от окончательного ее истребления...» (с. 196).

Об этом же писал Виктор Астафьев (2009): «Вот и добились, доунижали, дотоптали – сам себе и жизни не рад народ русский. И что с ним будет? Куда его судьба кинет или занесет – одному Богу известно. Уповаем на чудо и на разум человеческий. Думаю, ни людям, ни небесам легче не будет от того, что загинет русский народ. Он может за полу шубы стащить в прорубь за собой все человечество» (с. 488-489).

Свою мысль о незащищенности русских подвижников со стороны современной Церкви Т.Л. Миронова продолжает в разделе «О книжниках и фарисеях». Фарисей — это синоним притворщика и лицемера. Истоки фарисейства лежат в верованиях еврейского народа, которые обличил и отверг, придя на землю, Иисус Христос. «Суть фарисейского духа в том, что из религии изымается стержень искренности, поклонение Богу превращается в пустой обряд, ...без подлинной Веры. Господь жестко посрамил “книжников и фарисеев”, слова его из Евангелий от Матвея, Марка, Луки стали нашим руководством в отношении к иудеям, не принявшим Господа и распявшим его, в отношении к нашим собственным православным церковнослужителям...». Автор подчеркивает сегодняшнюю актуальность подобного отношения к «книжникам и фарисеям», которые втолковывают нам, что вся власть от Бога или что священноначалие

непогрешимо: «От гордынного желания навязать свой закон вместо Христова учения пало католичество, неужели и мы идем по тому же пути?» (с. 197).

Раздел «Жжет душу грех» Т.Л. Миронова завершает словами: «За годы проповеди непротivления злу силой, за время пропаганды ереси толстовства, которую почему-то незаметно присвоили себе многие современные христианские проповедники, мы получили стада православных непротivленцев, не способных не то, что Веру свою оборонить от хулы, детей своих не умеющих защитить от поругания, от насилия на улицах, от явного их порабощения иноплеменниками. Да, эти православные непротivленцы не грешат против заповеди *не убий*, их грех страшнее: находясь в состоянии *окаменелого нечувствия*, они отступают от первой заповеди Закона Божия, указующей на то, что Един у нас Господь Бог, Ему одному следует служить и поклоняться, а не потворствовать кумирам собственной трусости и малодушия» (с. 238).

Не менее категоричен в этой связи Игорь Чубайс (2012): «До тех пор, пока православная церковь отказывается выполнять роль *независимой и активной* (выделено мной. В.У.) гражданской организации, не могут расти ее вес и значение в общественном мнении постсоветского государства» (с. 411). Но всех превзошел в «оригинальности» А.А. Зиновьев (2011), объявляя церковь организацией, «заинтересованной в сохранении масс в состоянии мракобесия» (с. 240): «В XXI веке стать на долгое время властителем душ россиян и преодолеть идеологический беспредел на этом пути православию не по силам. ...Сам образ жизни россиян в новых условиях исключает возвращение их в идейное состояние феодальной России. Церковь может вернуть себе былую власть над сознанием россиян только при условии превращения их в безграмотных, тупых, больных и нищих холопов» (с. 235).

Не видит и не слышит А.А. Зиновьев великого «холопа» России Петра Аркадьевича Столыпина, писавшего: «Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день, как на последний в жизни, и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. А вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти, как расплаты за свои убеждения». И эти его убеждения – живой и весомый упрек нынешней власти, насквозь коррумпированной и ангажированной стратегами глобализации: «Родина требует себе служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде помрачает душу и парализует работу» (цит. по: Усольцев, 2012. С. 342, 343).

В двух разделах книги под названиями «Воинский долг христианина» и «Несение креста» Т.Л. Миронова отвечает на выше

поставленные вопросы и фактически дает нам руководство к действию. Отметив, что христианство на протяжении всей его истории было религией воинов, она поясняет, почему христианин-воин является и христианином-миротворцем: «Миrotворство не есть потворство злу, напротив, удаление зла самым радикальным способом. Не пресекаемые христианами злые, сатанинские силы водворяют в народе смуту и войну. Поэтому христианин-миротворец всегда с мечом и всегда готов отстоять Истину в бою» (с. 204). Воинский долг христианина — это путь мученичества, несения креста, путь очень немногих, самых верных христиан.

Автор утверждает: «Православное воинство, как свидетельствует русская история, - непобедимо, всегда вело исключительно оборонительные войны, но действовало сокрушающе» (с. 213). Беззаветность воинского долга у славян восходит в их языческое прошлое, и яркое свидетельство тому — 300-летнее противостояние западных славян наседавшим со всех сторон католическим странам.

На выступающем в море скалистом мысу острова Руян-Рюген (нынешняя Германия) стоял священный город Аркона, на центральной площади которого находилась святыня всех балтийских славян – деревянный храм бога Святовита. При храме Святовита имелось особое войско из 300 вооруженных всадников, которые назывались витязями. Этих витязей можно было победить, лишь полностью уничтожив. А.Ф. Гильфердинг (1831—1872) писал о руянах-русах: «Как люди, натерпевшиеся на своём веку всяких лишений и бед и закалившиеся в борьбе, делаютя склонны к упорству, так и балтийские славяне; едва ли был на свете народ упорнее. Изо всех народов Европы они одни положили свою жизнь за старину свою, за свой старый языческий быт: упорная защита старины - вот первое свойство всех этих передовых племен славянских» (Гильфердинг, 1874).

Г.Я. Мокеев (2012) пишет: «Датским христианским королям в XII веке пришлось шесть раз совершать безуспешные походы на Руян, безрезультатно штурмовать Аркону. Отсюда нетрудно догадаться о высоком призвании витязей, об их выдающихся достоинствах. Только в седьмой раз датчанам удалось захватить остров, перебив всех его святых защитников. Случилось это потому, что в 1168 г. папой римским был объявлен всеобщий крестовый поход на балтийских словен, и они были разгромлены одновременным ударом со всех сторон мобилизованных церковью немцев, датчан, шведов, поляков... Вот когда кольцо христианских государств Европы сомкнулось в центре, обрушив язычество словен» (с. 57).

Наш христианский долг сегодня, согласно Т.Л. Мироновой, когда все силы зла ополчились против Православия и Русской земли, оказывается намного тяжелее, чем у прапрадедов, живших в Православном Отечестве, из-за наличия теперь множества соблазнов, когда множество губительных пороков выдаются как вещи нормальные. И самое опасное — это так называемое нейро-лингвистическое программирование русских людей,

психологический захват души человека путем взлома ее естественных «фильтров», агрессивное вторжение в душу, в подсознание, чтобы управлять человеком незаметно от него. Осуществляется это всеми СМИ, но главным образом, - посредством коммерческого телевидения — этого зомбирующего «ящика». Для сравнения: Игорь Чубайс (2012) рассматривает это явление лишь как одно из свидетельств «неэффективности деиерархизирующей свободы» (с. 458).

В таком «информационном» обществе после подобной обработки появляются очевидные признаки сумасшествия, шизофрении, о чем свидетельствуют рассуждения людей, подобные таким, например: «Идет дождь, потому что синоптики обещали плохую погоду», или: «Путин повысил пенсию на шесть процентов, молодец, о людях заботится!». «Кто и зачем, используя преступные информационно-психологические технологии, цинично и расчетливо сводит общество с ума?», - вопрошает Т.Л. Миронова и дает свое понимание этого феномена. Цель этой жесточайшей войны наших правителей против собственного народа — полностью его поработить, довести всех до безумия, а тех же, кто сохранит здравый рассудок благодаря сильной генетической памяти, объявить безумцами. Это необходимо нашим правителям не только для того, чтобы безгранично долго продолжать свое «безответственно сладкое властное бытие», но и (что для них важнее) чтобы подольше сохранить на плечах собственную голову.

Слово *соблазн* происходит от глагола *блзнити*, что означает принимать зло за благо. В Евангелии от Матвея говорится, что горе тому человеку, к которому приходит соблазн, и если рука или нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее и отторгни, поскольку лучше жить хромым и бедным, чем с двумя руками и ногами быть ввергнутым в огонь вечный; и если око твое соблазняет тебя, возьми и отвергни его, поскольку лучше жить с одним оком, нежели с двумя быть ввергнутым в геенну огненную. Комментируя этот текст, автор отмечает, что многих пугают эти слова, и они уходят из христианства, утверждающего столь жестокие принципы жизни во Христе. Но сам Христос говорит: «Иже не со Мною, на Мя есть», то есть: Кто не со мной, тот на Меня, то есть тот против меня! «Никакой золотой середины, никаких тихих заводей, - пишет Т.Л. Миронова, - покойных местечек для трусов, бездельников, маловеров, надеющихся без особого труда, одним бездействием, как в добре, так и во зле, спастись, христианство не предусматривает» (с. 207).

Для сравнения приведем утверждение Игоря Чубайса: «Если мы теряем Бога, на вершину пирамиды ценностей необходимо возвести нравственность» (с. 464). Он совершенно справедливо полагает, что в системе общих правил должны быть нравственные принципы, независимо от того, принимает человек Бога или нет. Видимо, он считает возможным создание общества на основе нравственности, но без Бога. Но тогда где

взять критерии нравственности, ведь именно Христос всегда олицетворял высший ее идеал в православной Руси. Впрочем, Игорь Чубайс не исключает, что когда-нибудь произойдет «самовоссоединение секулярной и христианской систем ценностей» (с. 465).

Однако А.А. Зиновьев (2011) не оставляет нам никаких надежд даже на это: «В русской среде широко распространено убеждение, будто мы, русские, превосходим все прочие народы в одном отношении: якобы мы обладаем самой высокой степенью развитости духовности. ...Естественно, встает вопрос: а что такое духовность? ...Мне довелось просмотреть сотни текстов, в которых так или иначе говорилось о духовности, и опрашивать большое число людей..., но вычитать или услышать хотя бы мало-мальски вразумительный ответ на мой вопрос так и не удалось. В конце концов, в словоблудии на эту тему более или менее отчетливо проступало одно: сведение мистической духовности к религиозности. ...Лишь православная религиозность якобы является подлинной (истинной) духовностью» (с. 242). Его альтернатива — в духе Проханова и Зюганова: «...Русский народ в советские годы имел уровень духовности гораздо более высокий, чем другие народы планеты, не говоря уж о его духовном уровне в дореволюционные годы. И эта оценка духовности русского народа как народа советского осуществлялась в соответствии с критериями науки, а не каких-то смутных и дремучих представлений о природе человека» (с. 242). И этот уровень русской духовности в советское время, по А.А. Зиновьеву, был достигнут «не вопреки атеизму советской идеологии, как иногда приходится слышать, а благодаря ему» (с. 243).

Остается констатировать: видимо, не на пользу русскому мировоззрению русского диссидента пошло 20-летнее пребывание за пределами России и не те тексты он читал и не тех людей слушал в поисках ответа на вопрос: «Что такое духовность?»...

Отметив еще одно изречение из Евангелия о том, что обличение грехов ближнего, воспитание его души, ограждение ее от соблазнов — это и есть истинная любовь к ближнему, хотя мало кому из ближних это понравится, Т.Л. Миронова соотносит это положение с известным чтением из Евангелия от Матвея: «Не судите, да не судимы будете. Имже бо судом судите, судят вам, и в нюже меру мерите, возмерится вам». Эти слова направлены не против осуждения ближнего, а предупреждаются, что если ты решил его судить, ты должен быть не хуже его: «Разве может судья-убийца судить другого убийцу, у него нет на то права, как не могут, не имеют права власти, крадущие, разоряющие страну и убивающие народ, пытаться насаждать в том же народе покорство законам и проповедовать бескорыстие, честность» (с. 208).

Ключ к пониманию слов «Не судите, да не судимы будете» автор видит в следующих словах Христа: «Не дадите святая псом, не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими, и вращеся

расторгнут вы», и комментирует это следующими словами: «...Нравственное превосходство христианина, его моральная высота позволяют ему видеть дурное в других, дают ему право обличать зло и тем защищать святыни, защищать для того, чтобы посягнувшие на святыни..., все эти “псы и свиньи” не разодрали его самого».

А далее приводится поясняющий пример: «Когда большевики пришли разорять мощи святого благоверного князя Александра Невского, ...монахи стояли и молились за “псов и свиней”, глядя на попираемую ими святыню. ...Вот только спустя всего несколько дней иноки сами были разодраны, растоптаны, расстреляны. Но это их мученичество не было вольным, как если бы они встали на пути богоборцев, защищая свою святыню. Это мученичество было подневольным... Так что одно дело, когда ты принял вольную смерть, смело обороняя святое, ...защищая Земное Отечество, прикрывая ближних своих. Это мученичество свято... И совсем другое дело, когда тебя вытаскивают из норы, куда ты закопался в надежде, что беда пройдет стороной, и распластывают в муках невольных — бессильного, одинокого, оставленного Богом, когда тебе только и остается, что исповедать свой грех малодушия и трусости и молиться за врагов своих». И далее: «Надо понимать без иллюзий, что порой приходят на Русь времена, когда малодушно избегать вольного мученичества — значит рано или поздно претерпеть мученичество невольное, которое, безусловно, тяжче и горше первого, ибо не всякий проходит его с честью» (с. 210).

Показательно в этом плане нынешнее поведение руководителей Российской Академии наук, когда наши правители, успешно выстроив свою «вертикаль власти», подняли руку не только на образование, но и на Академию наук. В интернете прошла волна тысяч негодующих возгласов, а где же были в это время руководители РАН? Почему не призвали к всеобщему неповиновению режиму в ответ на подобное антигосударственное деяние? Все они, как страусы, спрятавшие свои головы в песок, остались в тени, выставив на передовую профсоюзных активистов да зюгановцев, для которых подвернулся очередной случай «попиариться» в качестве радетелей народных. А дай им власть, так опять полетят миллионы праведных голов, как в недавние времена на Руси.

О том, к чему приводит попытка спрятаться «в нору» от несправедных деяний, свидетельствует Мартин Нимёллер, главный пастор Гамбурга при Гитлере: «Сначала они пришли за коммунистами, и я промолчал, потому что я не коммунист. Потом они пришли за социал-демократами, и я промолчал, потому что я не социал-демократ. Потом они пришли за профсоюзниками, и я промолчал, потому что я не член профсоюза. Потом они пришли за евреями, и я не протестовал, потому что я не еврей. И когда они пришли за мной, больше некому было протестовать» (цит. по: Познер, 2012).

Владимир Познер спрашивает: «До каких пор можно делать вид,

будто тебя не касается то, что они приходят за коммунистами, за евреями, за католиками? До каких пор можно закрывать глаза на то, что людей сажают, убирают в психиатрические больницы, превращают их там в инвалидов за то лишь, что они инакомыслящие?». И отвечает: «Это возможно до тех пор, пока страх того, что может произойти с тобой, будет сильнее твоей совести».

О готовности на вольное мученичество за свои святыни говорит Христос: «Иже хочет по мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по мне грядет». В христианстве *крест* — это распятие, на котором Иисус Христос принес искупительную жертву за погибающее в грехах человечество. Крест Христов — вольный подвиг за Бога и за други своя, подобный пути, пройденному Самим Господом. Вольный, потому что христианин *хочет ити* за Христом, по собственной воле *отвержется* от своих удобств, покоя... Истинный христианин не может уживаться со злом, потому берет крест свой и идет, жертвуя собой, за Христом (с. 211-212).

Т.Л. Миронова приводит слова старца Паисия Святогорца: «Толкающий ближнего на зло даст за это ответ Богу. Но даст ответ и тот, кто в это время находился рядом: ведь и он видел, как кто-то делал зло своему ближнему и не противодействовал этому» и продолжает: «Дух воинства Христова, дух сопротивления злу, нависшему над миром, должен сохраняться незыблемым в России, иначе не устоит и мир. А камни православного сознания, уже почти изъятые из оплота нашей Веры, мы обязаны восстановить, вернуть на их законное место, ибо каждый из нас даст ответ Богу за то, что сделал в эти тяжко трудные годы. ...Каков же истинно крест наш ныне...? Крест наш — добровольный выбор пути христианского — прежде всего спасение русских от физического истребления и духовного рабства. ...Сколько же крестов разбросано ныне по нашей земле! Поднимай, воздвигай себе на плечи какой по силам! Только тогда можешь надеяться, что Господь, приняв твою вольную жертву, не ввергнет тебя в невольное мученичество» (с. 212).

Однако народ в массе своей пока безмолвствует, еще не все осознали, что «смерть стоит за плечами». За последнее столетие, столетие катастрофического падения России, выкошен ее элитный генофонд, а выжившие боязливые воспитывают потомство в наследственном страхе: «Поджавши хвост, в обнимку с зомбирующим их телевизором, трусы причитают: только бы не война! ...Именно такое население, зараженное фобиями, подавленное апатией, и требуется нынешним правителям общества риска» (с. 281, 286). Но есть свет в конце тоннеля: «У общества риска, грозящего скатиться в стадию сплошных катастроф, есть одно неудобное для властей свойство: многие люди в кризисном государстве привыкают к постоянной опасности и устают бояться. До их сознания доходит, что хуже быть уже не может. А если не может быть хуже, чем сейчас, значит, любое наше действие, любое наше сопротивление власти,

погрузившее население в страх и трепет, приведет к тому, что будет лучше. Лучше, чем сейчас, потому что хуже не бывает. Преодоление в себе страха и апатии — вот первый шаг к победе над властителями, парализовавшими наши души трусостью» (с. 286).

Но А.А. Зиновьев и здесь не видит никакого просвета. Вот что он писал в 2003 году: «...Такого единства народа и его интересов просто нет в самом постсоветском состоянии России. Где тот враг, в борьбе с которым народ выступит как единое целое? Какова та великая цель, ради достижения которой народ в массе готов пойти на жертвы? Нет такого внешнего врага, ибо основные враги для большинства россиян — их собственные соотечественники... В нынешней России просто нет таких “амбразур”, на которые могли бы броситься новые матросовы, нет таких матросовых и нет тех, кто способен воздать им должное. Патриотизм как массовое явление просто лишен смысла» (Зиновьев, 2011. С. 239-240).

Для А.А. Зиновьева русский народ — это не продолжатель древних традиций предков и не хранитель православных заповедей, а скопище «униженной и обездоленной» людской массы с примитивными животными инстинктами: «...Массы населения, совершенно незнакомые с марксистской или другой доктриной, сами и с ликованием ринулись в безбожие как в новую религию, сулившую им рай на земле и в ближайшем будущем. Более того, они ринулись в безбожие даже не ради этого рая, в который они в глубине души никогда не верили, а ради самого безбожия как такового. Это была трагедия для многих людей. Но для еще большего числа людей это был беспрецедентный в истории человечества праздник освобождения от пут религии. ...Сталинская эпоха в основе своей была стремлением миллионов глубоко несчастных людей занять хотя бы малюсенькую крупицу света. В этом была ее несокрушимая сила и святость. И в этом был ее непреходящий ужас. Она окончилась, как только эти несчастные вылезли из своих трущоб, получили свой кусок хлеба, приобрели унитазы, о которых раньше не смели и мечтать. ...Сталинский период был периодом подлинного народовластия, был вершиной народовластия» (Зиновьев, 2011. С. 309-310, 323).

Но «ринулось в безбожие» далеко не все население России, а те самые «бесовские низы» общества, опасность которых для России задолго до Октябрьского переворота предсказывал Ф.М. Достоевский. Несмотря на вакханалию разгрома интеллектуального потенциала страны и православия, запущенную большевиками и продолжавшуюся в течение 20-летия, всесоюзная перепись населения 1937 года преподнесла большевикам неожиданный сюрприз: по данным профессора МГИМО, доктора исторических наук А.Б. Зубова (2012), из 97 тысяч опрошенных 55 тысяч (57%) заявили о себе как о людях, верующих в Бога. Такое открытое признание веры после многих лет кровавых гонений было актом гражданского мужества — ведь опрос не был анонимным, ответы

заносятся представителем власти в личный переписной лист, с именем и адресом каждого. В конкретной ситуации большевистской России она ясно свидетельствует о том, что сила веры была у большинства людей в момент переписи столь интенсивной, что они предпочли лучше попасть в лапы палачей, нежели прогневать Бога отступничеством от веры. Перепись января 1937 года дает уникальный в мировой истории факт одновременного массового исповедничества десятков миллионов людей разных вер и национальностей, дает свидетельство несломленности народного духа после бесконечных репрессий, чинимых большевиками.

Большевики были поражены. Сталин приказал организаторов переписи расстрелять как вредителей. 20 мая 1937 года Маленков направил Сталину записку с предложением окончательно разобраться с Церковью. 26 мая Сталин разослал записку Маленкова членам Политбюро. 2 июля 1937 года Политбюро единогласно принимает решение о проведении широких репрессий в захваченной коммунистами России. Подобно тому, как нацисты желали «окончательно решить еврейский вопрос», коммунисты окончательно решали вопрос религиозный. Политбюро ЦК принимает решение уничтожить верующих физически, особенно верующих организованных — то есть религиозный «актив» (Зубов, 2012).

Видимо, мы еще не докатились до самого дна, чтобы осознать, что хуже уже не бывает. В. Познер пишет, что невинно репрессированные русские люди, прошедшие ГУЛАГ, вышли из его недр просветленными. Вот парадокс, подмеченный В.В. Познером (2012): «Те, которые прошли через лагеря и выжили, вышли людьми более значимыми и значительными, чем те, которых миновала эта чаша. Они вышли более сильными, более сострадательными, более мудрыми и добрыми, менее циничными. Почему так произошло? Не знаю...» (с. 168). Он не знает, но, может быть, это и есть преображение через катарсис, через очищение великой трагедией и великим горем народа?

Питирим Сорокин, исходя из анализа предыдущих великих кризисов в истории человечества, прогнозирует неизбежность новой цивилизационной эры: «Очистившись трагедией, страданием и распятием, люди снова обратятся к разуму, к вечным, непреходящим, универсальным и идеалистическим ценностям... С достижением состояния катарсиса кризис закончится» (Питирим Сорокин..., 2007. С. 145-146). Об этом же, как о характерной черте православия, писал вдохновитель и певец Серебряного века Вяч. И. Иванов: «Общий склад русской души таков, что христианская идея составляет, можно сказать, ее природу. Она выражает центральное в христианской идее – категорический императив нисхождения и погребения Света и категорический постулат воскресения» (Иванов, 2007. С. 234).

В этой связи зададимся и другим вопросом: случайно ли это совпадение, это созвучие православия, отражающего особенность русской ментальности в проекции: падение-катарсис-возрождение, со столь многочислен-

ными прогнозами, сделанными в отношении России провидцами разных времен и народов? Может быть, такое возрождение неизбежно и ждет всю Россию после ее небывалого падения в течение последнего столетия? Все великие провидцы (Рэньо Неро в XIV веке, Парацельс в XVI веке, монах Авель в XVIII веке, Макс Гендель, Эдгар Кейси, иеросхимонах Серафим в XX веке и многие другие) предрекали России великое будущее, но это случится лишь после катарсиса, это будет возрождением страны из пепла.

Завершим наш анализ концовкой одного из разделов книги Т.Л. Мироновой, озаглавленного: «Как отличить мнимые страхи от действительных опасностей»: «Каждый на своем месте может приложить усилия к сопротивлению этим опасностям. Здесь не работает трусливый принцип: что я могу сделать один. Один может увлечь многих. Один способен организовать протестное действие и повести за собой массы. ...Спасая себя и страну от подлинных опасностей, мы можем встать в ряды сопротивления... Только не сидите, сложа руки, только не будьте праздными зрителями на трибунах! Действуйте!».

Список использованной литературы

Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952-2001. 2-е изд. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 751 с.

Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. Собрание соч. Т. 4. СПб: Издание Д.К. Кожанчикова, 1874. 486 с.

Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. Статьи. М.: «Художественная литература», 1986. С. 253-255.

Достоевский Ф.М. Бесы: роман. М.: «Эксмо», 2011. 606 с.

Зиновьев А.А. Планируемая история: Запад. Посткоммунистическая Россия. Гибель русского коммунизма. М.: «АСТ»: «АСТ МОСКВА», 2009. 543 с.

Зиновьев А.А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. М.: АСТ: «Астрель»; Владимир: «ВКТ», 2011. 543 с.

Зубов А.Б. 75 лет Большому террору: Сначала население переписали, потом перестреляли // Новая газета. 2012. № 74, 6 июля.

Иванов Вяч. И. По звездам. Борозды и межи. М.: «Астрель», 2007. 1137 с.

Козлов В.И. История трагедии русского народа. М.: «Русская правда», 2012. 318 с.

Леонов Н.С. Крестный путь России. М.: «Русский дом», 2003. 384 с.

Литвинова Г.И. К вопросу о национальной политике // Меркурий. 1987. № 8. С. 1-7 (http://www.memorial-nic.org/mercury_08.html).

Миронова Т.Л. Русская душа и нерусская власть. М.: «Алгоритм», 2012. 448 с.

Мокеев Г.Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и

градостроительства. Под ред. А.А. Барабанова. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. 480 с.

Новоженков Ю.И. Социобиология и экологическая геополитика. Екатеринбург: «Раритет», 2008. 204 с.

Питирим Сорокин. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты: за 60 минут. СПб.: «Невский проспект»; «Вектор», 2007. 176 с.

Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: «Астрель», 2012. 480 с.

Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Специальный выпуск. Брошюра к газете "Комсомольская правда" от 18 сентября 1990 г.

Солженицын А.И. Россия в обвале. М.: «Русский путь», 2006. 208 с.

Тимофеев-Ресовский Н.В. Воспоминания. М.: «Прогресс», 1995. 384 с.

Усольцев В.А. Русь изначальная, русский космизм и столетие падения России. Екатеринбург: Уральский государственный лесотехнический университет, 2012. 600 с.

Усольцев В.А. Об истоках Руси и будущем России в контексте «русского космизма» // В.И. Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке: коллективная монография / Под ред. А.И. Субетто и В.А. Шамахова. В 3 томах. Т. 3. – СПб: «Астерион», 2013. С. 425-437.

Чубайс И.Б. Российская идея. М.: «Аква-Терм», 2012. 488 с.